

БИЛИНГВАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И ТИПЫ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ

М. Дж. Тагаев

BILINGUAL LANGUAGE CONSCIOUSNESS AND TYPES OF LANGUAGE PERSONALITIES

M. Dj. Tagaev

Современная языковая ситуация в постсоветских государствах характеризуется активизацией процессов, когда, с одной стороны, благодаря проводимой политике усиливается роль национальных языков как государственных в жизни общества, а с другой – существует объективная необходимость и жизненная важность знания русского языка. Эти две тенденции становятся причиной столкновений и создают определенные коллизии во взаимоотношениях между данными языками, что не только влияет на языковую ситуацию в социуме, но и отражается на языковом сознании личностей. В этой связи на материале языковой ситуации Кыргызстана в статье рассматривается феномен билингвального языкового сознания, анализируются различные его типы, описывается механизм кодовых переключений, которые становятся одной из распространенных форм общения и языкового существования личности. Лингвокультурные процессы, активно происходящие в Кыргызстане под влиянием новых социально-экономических отношений, приводят к формированию различных лингвокультурных типажей – групп языковых личностей, что приводит к расслоению общества.

Modern linguistic situation in the post-Soviet states is characterized by the processes when, on the one hand, the role of the national language as the state language is strengthened due to the political will, and, on the other hand, there exists an objective necessity and vital importance of the Russian language knowledge. These two trends create certain conflicts in the relationship between the languages, which affect the language situation in society, but also reflect on the linguistic consciousness of individuals. In this regard, on the material of the language situation in Kyrgyzstan, the article discusses the phenomenon of bilingual language consciousness, analyzes its different types, describes the mechanism of code-switching, which becomes one of the most common forms of communication and linguistic existence of the individual. Language and cultural processes, which are actively happening in Kyrgyzstan due to the influence of new social and economic relations, lead to formation of various linguo-cultural types – groups of language personalities, and this situation leads to society's layering.

Ключевые слова: языковое сознание, билингв, двуязычие, кодовые переключения, значение, семантические вкрапления, языковая личность, лингвокультурный типаж, картина мира, коммуникация.

Keywords: language consciousness, bilingual, bilingualism, code switching, value, semantic inclusions, linguistic personality, linguo-cultural type, worldview, communication.

С точки зрения психологии, сознание – это внутренний мир человека, представляющий способ отношения к объективной действительности [11, с. 397]. Психологический подход к его изучению основывается на положении Л. С. Выготского, суть которого А. Р. Лурия излагает следующим образом: искать источники сознательной деятельности не в глубинах мозга и не в глубинах духа, а во внешних условиях жизни, и в первую очередь во внешних условиях общественной жизни [10, с. 23]. Эта мысль подчеркивается и Л. Витгенштейном, утверждавшим, что «смысл мира должен находиться вне мира» [2, с. 70].

Для А. Н. Леонтьева сознание представляется не как созерцаемое субъектом поле, а как особое внутреннее движение, которое порождается человеческой деятельностью [9, с. 100]. Суммируя эти два высказывания можно утверждать, что сознание в самом себе не может быть изучено; изучать его можно по внешним проявлениям, важнейшим из которых является речевая деятельность человека.

Согласно методологии современной когнитивно-дискурсивной парадигмы, можно говорить о сознании как о ментальном механизме, предназначенном для обработки и интерпретации информации в соответствии с национально-культурным мировидением этнического коллектива. Главное в изучении этой пробле-

мы с позиций когнитивной лингвистики – «связь сознания с концептуально освоенной реальностью и природой концептов, характеризующих сознание» [7, с. 29]. Это означает, что языковое сознание, с одной стороны, стремится выразить себя вербально, с другой – само находится под воздействием языка, который, вызывая психические переживания, формирует матрицу национального склада мышления.

Среда обитания этноса, уклад жизни, культура и традиции в целом определяют сознание человека. В то же время языковое сознание, в отличие от сознания вообще, представляет собой результат национально-культурной интерпретации мира, отраженный в формах национального языка. Такое сознание имеет наиболее структурированный, логически связанный характер, поскольку язык помогает упорядочить формы сознания и мышления, чтобы объективировать их в языковых формах для целей коммуникации. Схема 1 демонстрирует в общих чертах процессы становления этнического языкового сознания.

Таким образом, в целом характер коллективного этнического сознания и особенности национального склада мышления формируются под влиянием внешних факторов и определяются условиями проживания этноса.

Что же касается индивидуального языкового сознания отдельного взятого члена этнического коллектива, то здесь налицо тесная связь сознания с языком. Такое «сознание есть отражение действительности, как бы преломленное через призму общественно выработанных языковых значений, понятий» [8, с. 237].

Если коллективное сознание формируется под влиянием внешнего мира, и связь здесь прямолинейная, то на формирование индивидуального сознания влияют смыслы и стереотипы, заключенные в картине мира национального языка.

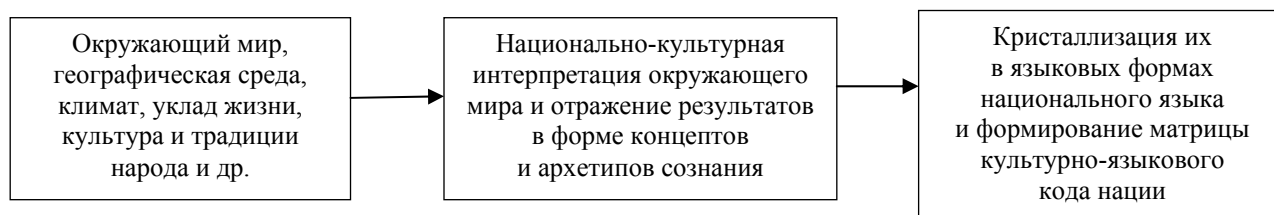

Схема 1. Процессы становления этнического сознания

В этом процессе велика роль значения, которое является мостиком между концептуальной реальностью сознания и словом. «Значение, – писал Л. С. Выготский, – есть путь от мысли к слову. Это то, что лежит между мыслью и словом. Значение не равно слову, не равно мысли» [3, с. 160]. Значение, можно сказать, результат национально-культурной кристаллизации коллективной мысли, вначале представленной в сознании формами различных концептов: идеях, фреймах, образах, представлениях, сценариях.

Процессуальный характер значения, его двусторонняя динамика становятся зерном психологической концепции Л. С. Выготского, который утверждает, что «отношение мысли к слову есть прежде всего не вещь, а процесс, это отношение есть движение от мысли к слову и обратно – от слова к мысли... Мысль не выражается в слове, но совершается в слове» [4, с. 297]. Это означает, что слово не просто отражает мысль. Она, мысль, помещенная в словесную оболочку, продолжает пульсировать, наполняться живыми образами, ассоциациями, чтобы воздействовать на языковое сознание индивида.

Между разными языками и культурами существуют общие семантико-смысловые константы, которые обеспечивают их представителям взаимопонимание. Национально-культурная особенность языкового сознания заключается в приспособлении такого смыслового инварианта к особенностям культуры этноса. Так, например, у слова *грызть* имеется общее инвариантное значение 'крепко сдавливая зубами, раздроблять крепкое, твёрдое; раскусывать'. Если взять во внимание, что для киргизов особое место занимают мясные блюда, причем, каждая кость с мясом, называемая *устукан*, имеет статусно иерархическое значение, а сам процесс угощения обретает характер церемонии со своими правилами, то вполне закономерно появление специальных слов с национально-культурным оттенком. Примером таких слов являются слова *кемируу* и *мулжуу*. Если первое полностью соответствует семантике русского слова *грызть*, то значение второго представляет собой результат национально-культурной интерпретации данного концепта: *мулжуу* означает 'грызть зубами или срезая с кости ножом, есть мясо'. Национально-культурная семантика данного слова в том, что уже в акте семиозиса закладывается программа его использования в дискурсе.

Таким образом, сознание представляет собой ментальный механизм, в котором происходит переработка информации и объективация ее в формах языка. Концептуально освоенная реальность в одном языке может быть связана с одним словом, а в другом, будучи представленной вариациями одного и того же общего концепта, обозначается разными лексическими единицами.

Полагаем, языковое сознание имеет матричное строение, характер которого предопределяется особенностями интерпретации этносом фактов и событий реального мира, способностью выделять значимые национально-культурные ценности, обеспечивающие сотрудничество между членами этнического коллектива и комфортную коммуникацию.

Характеристика языка как деятельности позволила Е. С. Кубряковой вскрыть еще одну сторону в сущности языка, а именно: рассматривать язык как средство доступа к мыслительной, ментальной, интеллектуальной деятельности человека. По ее утверждению, это положение является новым для современной когнитивной науки и когнитивной лингвистики [7, с. 69]. Всякая деятельность человека сопровождается языком, а результаты ее актуализируются в речи и языковых формах; язык как внешнее проявление сознания становится наиболее важным способом его изучения. Отношения и связи между языком и сознанием носят динамичный и двусторонний характер: всякие проявления человеческого сознания стремятся получить вербализованную форму, а языковые знаки так или иначе воздействуют на сознание. Динамичный характер процесса словотворчества и роль в этом процессе сферы бессознательного отмечается в работах Л. А. Араевой и Э. С. Денисовой [1; 5].

Сознание – это подвижное открытое смысловое пространство с размытыми границами, которое в процессе деятельности субъекта репрезентирует национально обусловленную картину мира путем отражения ее в системе языковых знаков.

С одной стороны, язык и дискурс используются людьми в качестве средства объективации различных проявлений сознания и интенций говорящего, а с другой – речевой материал воздействует на языковое сознание субъекта, формирует, изменяет и раздвигает его границы. Язык и сознание находятся в отношениях взаимосодействия и непрерывного движения друг к другу.

Роль медиума в этом процессе играет значение, которое принадлежит как миру слов, так и миру сознания.

В этой связи представляет интерес вопрос о том, в какой мере двуязычное языковое пространство и речевой материал на двух языках определяет специфику

языкового сознания индивида и типы языковых личностей. Наш анализ основан на речевом материале билингов, владеющих в разной степени киргизским и русским языками.

Язык и языковые структуры

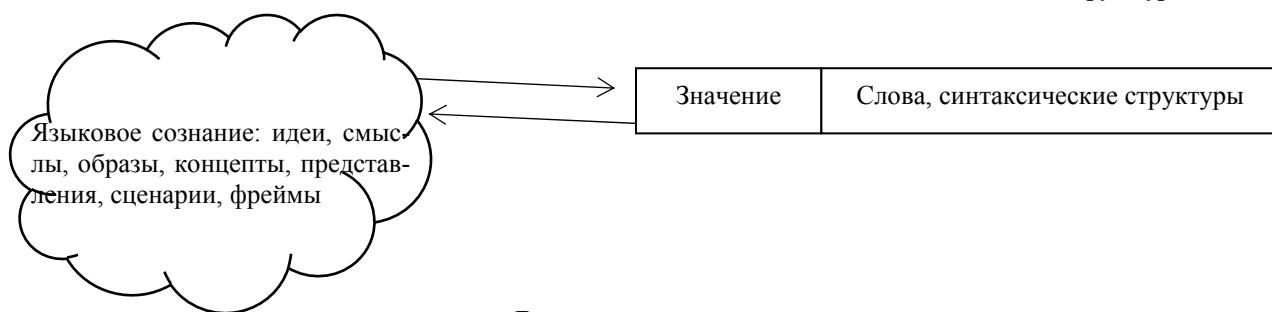

Схема 2. Языковое сознание монолингва

Если человек владеет двумя языками, то такое языковое сознание можно назвать билингвальным. К монолингвам мы относим также индивидов, которые не используют активные формы русской речи, хотя и понимают ее в известных пределах. Типы билингвизма охарактеризовал Л. В. Щерба, выделив чистое и смешанное двуязычие [13, с. 314]. В терминах когнитивной лингвистики отметим, что в языковом сознании представителей чистого двуязычия присутствуют две автономные концептосферы, которые не пересекаются, и каждое из них коррелирует со своей языковой системой.

В Кыргызстане к этой группе можно отнести большинство киргизов, окончивших русские школы и обучающихся в них. Как правило, у носителей чистого двуязычия концептосферы языкового сознания не равнозначны и не конгруэнтны. В том смысле, что представители чистого двуязычия получают образование на русском языке, вплетены в русскоязычную культурную среду, а русский язык является основным средством общения, концептосфера, объективируемая языковыми формами русского языка, намного обширнее и богаче, чем концептосфера этнического языка. Языковое сознание представителя чистого двуязычия демонстрирует следующая схема.

Языки и языковые структуры

Схема 3. Языковое сознание билингва (чистое двуязычие)

Другой тип языкового сознания представляют носители смешанного двуязычия. К ним можно отнести, к примеру, киргизов, которые воспитывались в условиях природной культурно-языковой среды, получили образование на родном языке. Концептосфера русского языка для них вторична; она накладывается на языковое сознание, сформировавшееся в смыслах и категориях родного языка.

В той связи, что русский язык активно используется в значимых для личности областях человеческой деятельности (получение образования, информации, торгово-экономические отношения, профессиональная деятельность и др.), владение русским языком для этой категории билингов становится жизненной необходимостью. Повседневный дискурс на русском языке активно воздействует на языковое сознание

представителей смешанного двуязычия, преобразует его, создавая в языковом сознании семантико-смысловые зоны, для экспликации которых наиболее высока вероятность использования русского языка. Чаще всего эти зоны связаны с научно-образовательной или профессиональной деятельностью человека. Наглядно языковое сознание билингва и его корреляцию с языковыми формами можно изобразить следующим образом (схема 4).

В семантических зонах размещаются концепты, соотносимые со значениями и языковыми формами русского языка. Они служат билингу основой для развертывания русскоязычного дискурса на узкопрофессиональные и специализированные темы, чаще по естественно-научным и технико-технологическим направлениям.

Схема 4. Языковое сознание билингва (смешанное двуязычие)

Примечание: ☁ – семантические зоны, ● – стереотипы-вкрапления.

Выбор того или иного языка или языковой формы при построении дискурса определяется бессознательным стремлением билингва к комфортной коммуникации. Можно утверждать, что у билингвов для процесса объективации смысла избирается знак того языка, с которым смысл имеет наиболее близкие и устойчивые связи.

Русскому языку отдается предпочтение в тех случаях, когда участник дискурса неизвестен, например, при разговоре по телефону по рекламным объявлениям, на нем печатаются тексты реклам в газетах, бегущей строки в телевизоре, ведется переписка в социальных сетях и мн. др.

Кроме семантических зон в языковом сознании билингва могут образоваться семантические точечные вкрапления, представляющие собой концепты, для которых ближайшей и устойчивой формой объективации становятся языковые формы русского языка в той связи, что они частотны в русскоязычном дискурсе или эти концепты не имеют точных киргизских соответствий. Подобная организация языкового сознания билингва приводит к кодовым переключениям, что чаще всего случается в дискурсе билингвов на киргизском языке. Так, например, *Январь айында «коммерческий потерялар» 28 % жетти. 'В январе коммерческие потери составили 28 %'*. Хотя словосочетанию *коммерческие потери* можно найти в киргизском языке соответствующий эквивалент (*коммерциялык жоготуулар* или *соода-сатык жоготуулар*), вследствие того, что киргизское словосочетание не обладает достаточным терминологическим наполнением, говорящий бессознательно выбирает вариант на русском языке, так как в его форме чаще всего объективируется данный концепт. Использование киргизского варианта требует специальных усилий языкового сознания для придания ему нужного терминологического значения и требует соответствующего комментария.

По доли, занимаемой русским языком в языковом сознании билингва и степени освоенности русскоязычного дискурса индивидом в языковом сообществе Кыргызстана выделяется несколько типов языковых личностей, характерные черты которых создают узнаваемый образ их типичного представителя. Объединяемые по принципу фамильного сходства, они отличаются общностью в их сознании доминирующего языка, коммуникативного поведения, общих черт в ментальности и культуре.

С этих позиций в Кыргызстане можно выделить следующие типы языковых личностей:

1. Моноязычные киргизы из регионов, владеющие русским языком на уровне дискурсивно-логического понимания;
2. Двуязычные киргизы с доминирующим родным языком;
3. Двуязычные киргизы с доминирующим русским языком;
4. Русскоязычные монолингвы;
5. Русскоязычные киргизы как типаж, сложившийся в результате языкового сдвига;
6. Представители других национальностей.

Характерной чертой для большинства типов билингвальных личностей, особенно в условиях города, являются кодовые переключения, или переключения кодов, суть которых заключается в использовании единиц разных уровней одного языка (частиц, союзов, слов, словосочетаний и предложений) в структуре высказываний на другом языке. Легкость и структурное разнообразие чередований единиц киргизского и русского языков без каких-либо нарушений лексических или грамматических норм принимающего (матричного) и гостевого языка свидетельствует о достаточно высоком уровне владения обоими языками. Как правило, в функции матричного языка используется киргизский язык, а гостевым – русский.

Используя кодовые переключения, билингвы создают особый тип коммуникации, которую называют двуязычной. Наличие такой коммуникации в Кыргызстане является лингвистическим фактом, требующим признания, а не констатирования того, что это неправильная речь. Называя факторы, приводящие к изменению языковых систем, Щерба наиболее важным из них считает столкновение двух общественных групп и, следовательно, языковых систем, иначе – смешение языков [13, с. 60 – 74]. Языковой материал, полученный в результате смешения языков в билингвальной речи индивидов, создает предпосылки для языковых изменений. Как пишет Г. Н. Чиршева, «кодовые переключения стали предметом изучения в лингвистике, психологии и социолингвистике в последние десятилетия XX в. после, как изменилось отношение к двуязычной коммуникации, и ее начали рассматривать как естественный тип общения, а билингвальные высказывания – как структуры, подчиняющиеся определенным правилам» [12, с. 63].

Переключение кодов – характерная черта лингвокультурного типажа с доминированием киргизского языка. Если исходить из того, что большинство жителей Кыргызстана двуязычны, то билингвальная разговорная речь в пределах одного языкового высказывания или текста становится обычным явлением и объ-

ектом лингвистического исследования. Билингвальная речь встречается гораздо чаще, чем монолингвальный дискурс. Дискурс на киргизском языке неизменно сопровождается прямыми вкраплениями из русского языка, особенно при разговоре на профессиональные темы. Ср.: 1. *Эмне кылалы? Кыш «подводить» этип койбодубу.* `Что делать? Опять подвела зима`. 2. *Биз да учурунда сельмашзаводду россиялык тарга бербей, олтурдук, «как собака на сене».* `Мы в свое время не отдали сельмашзавод россиянам, сидели как собака на сене. 3. *Тойго болсо только бизди эле чакырды окшойт.* `Видно, на свадьбу только нас и пригласили`. 4. *По-моему, алар келбей калды го.* `По-моему, они уже не придут`.

В бытовой киргизской речи чаще вставляются глаголы в форме инфинитива, частицы, союзы, наречия, вводные слова и словосочетания, реже – существительные, прилагательные, а также фразеологические и проverbsиальные единицы. При включении все грамматические характеристики русского слова нивелируются, остается лишь концепт, лежащий за языковым знаком, который принимающим, матричным языком форматируется в соответствии с его грамматическими нормами.

В свою очередь, киргизский язык также оказывает влияние, но в меньшей степени, на русскоязычный дискурс билингва. Его воздействие на языковое соз-

нание главным образом проявляется на глубинном уровне, когда национально-культурные стереотипы киргизского языкового мышления используются для построения русской речи. Так, например: 1. *«Перед народом можно преклоняться. Он все терпит: достаток-нищету, сытость-голод».* 2. *В самом начале войны, когда начал разгораться пожар войны, я зашел к Отунбаевой и сказал...».* 3. *Провели презентацию книги, три дня проявляли уважение.* Сказали, увеличим тираж романа на английском языке. 4. *Бабанов скатится с седла? 5. Если хозяин дома смиренный, тогда происходят случаи: «плохим хозяином командуют гости», любой приходит, начинает устанавливать собственные порядки.*

Если в дискурсе на киргизском языке термины, слова, словосочетания, фразеологические единицы и предложения из русского языка применяются широко и тематически не ограничены, то присутствие киргизской лексики в русскоязычной речи незначительно. Это в основном слова, обозначающие национально-культурные реалии (*той, борсок, топоч*), общественно-политические термины (*торага, Жогорку Кенеш, аким, акимиат*), географические названия.

Итак, языковое сознание билингва представляет собой сложное образование, которое отражает многогранную деятельность людей, осуществляемую средствами киргизского и русского языков.

Литература

1. Араева Л. А. Словообразовательный тип: традиционное и современное видение // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2004. № 4. С. 110-115.
2. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
3. Выготский Л. С. Вопросы теории и истории психологии // Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6-и т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6-и т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982.
5. Денисова Э. С. Проблемы словотворчества в антропологической концепции В. фон Гумбольдта // Лингвистика как форма жизни / под ред. П. А. Катышева, С. В. Оленева, Ю. С. Паули. М.: ЛЕНАНД, 2009. Вып. 2. С. 66 – 76.
6. Ковшиков В. А., Глухов В. П. Психоллингвистика. Теория речевой деятельности. М.: АСТ: Астрель, 2007.
7. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012.
8. Леонтьев А. Н. Становление мышления и речи // Избранные психологические произведения: в 2-х т. М.: Педагогика, 1983. Т. 1.
9. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность // Избранные психологические произведения: в 2-х т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2.
10. Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: МГУ, 1979.
11. Психологический словарь / под ред. В. В. Давыдова и др. М.: Педагогика, 1983.
12. Чиршева Г. Н. Кодовые переключения в общении русских студентов // Язык, коммуникация и социальная среда: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2008. Вып. 6.
13. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, Ленинградское отделение, 1974.

Информация об авторе:

Тагаев Мамед Джакыпович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Киргизско-Российского Славянского университета, mamed_tagaev@list.ru

Mamed Dj. Tagaev – Doctor of Philology, Professor at Russian Language Department, Kyrgyz-Russian Slavic University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.